

ЕВГЕНИЙ
РУДАШЕВСКИЙ

ЗВЕРЬ 44

Евгений Рудашевский

Зверь 44

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Зверь 44 / Е. Рудашевский — ИД "КомпасГид", 2023

ISBN 978-5-00083-850-1

В антиутопии Евгения Рудашевского «Зверь 44» речь идет о безымянной стране, где мирная жизнь превратилась в полузабытое воспоминание, а надежды на событие, которое способно всё перевернуть, практически нет. Разрушенные войной города и смерть стали чем-то обыденным. Одни наступают – другие отступают, а потом они меняются местами. Бивень, Фара, Сивый, Леший, Кирпич, Черпак и другие выполняют свою работу на «Звере». Не самую приятную (да, что уж, тошнотворную), но необходимую. Как пишет сам автор, его герои словно «вырваны из реальности, кем-то придуманы и вынуждены жить в мире его искажённой болью фантазии». Дождутся ли они перемен? Вернутся ли в тот мир, где можно просто жить, любить, чувствовать себя в безопасности? Евгений Рудашевский – автор почти двух десятков книги лауреат многих премий. Его роман «Истукан» стал победителем премии «Книга года-2022», а его подростковые произведения отмечены премиями им. В. П. Крапивина и «Книгуру», входят в каталог выдающихся детских книг мира «Белые вороны» Мюнхенской международной детской библиотеки и переводятся на иностранные языки. Книги писателя отличают не только увлекательные сюжеты и самобытные герои, но и глубокие рассуждения о взрослении, восприятии мира и выборе.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-850-1

© Рудашевский Е., 2023

© ИД "КомпасГид", 2023

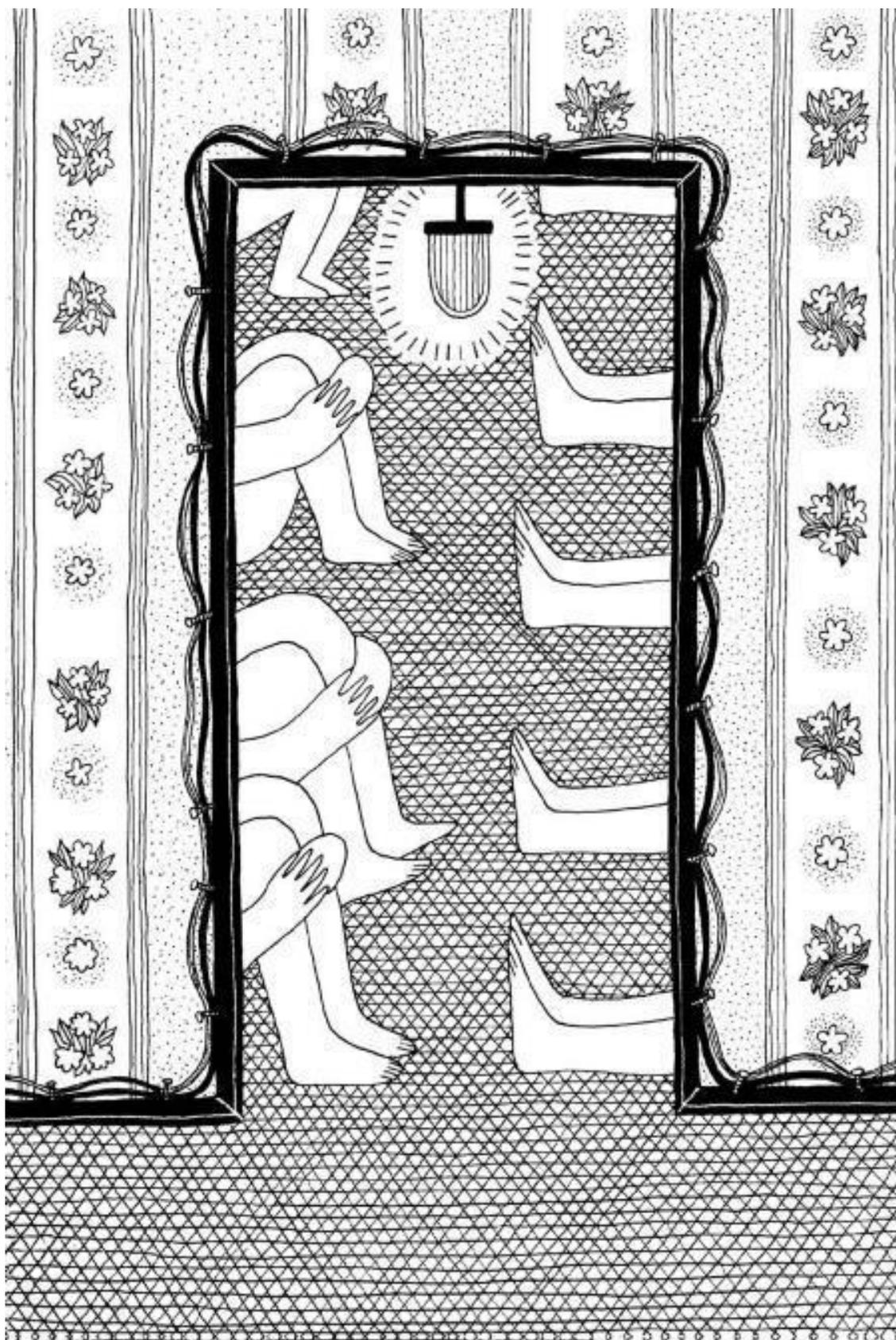
Евгений Рудашевский

Зверь 44

© Рудашевский Е. В., текст, 2023

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

* * *

Поляна была плоская, как глаз мертвеца. Не заметив ни кустов, ни оврагов, я ускорился. Хотел быстрее пройти участок дороги, рассекавший поляну, и добраться до леса. Вдали от «Зверя» открытое пространство меня пугало.

– Долго ещё? – громко спросил Фара.

Сивый шикнул на него, и Фара спросил потише:

– Долго?

Мы привыкли к непрерывному грохоту «Зверя» и в вылазках иногда на автомате кричали друг другу. Сивый злился и шикал, будто не понимал, что нужно заранее предупреждать всех о нашем появлении. Сивый единственный в отряде ходил без шумихи – консервной банки с болтами. Остальные крепили её на пояс, и она гремела, когда мы шли. У Фары было сразу две банки, а ещё он весь ватник обшил велосипедными катафотами и по ночам в свете фонарей сиял, как подождённый. Катафоты болтались даже на банной шапке, которую Фара в холод натягивал прямиком на шапку шерстяную, отчего выглядел немного придурочно.

Раньше я ругался с Сивым из-за шумихи. Не то чтобы переживал за него. Хочет нарваться на неприятности – пожалуйста, плевать. Но я возглавлял поисковый отряд и не мог молчать. Ничего не добился. Зато сегодня навесил несколько банок на телегу. Она и без того скрипела так, что нас слышали за сотню метров. Леший одобрил, а Сивый бросал на меня недовольные взгляды.

Пустая телега хорошо шла по грунтовой дороге. Когда-то в телегу запрягали лошадь, но лошадь сдохла, и теперь мы сами запрягались – вставали за перекладину, соединявшую передние концы оглоблей. Мы с Сивым сменялись у левой оглобли, а возле правой бессменно пыхтел Кирпич. Он в любую погоду пёр как танк, а когда остальные выдыхались, смещался к середине, упирался в перекладину грудью и тянул телегу один. Его не смущали ни кочки, ни выбоины. Сейчас на грунтовке Кирпич особо не жилился и явно скучал.

– Долго? – не прекращал ныть Фара.

– Да долго, долго! – не сдержался Сивый. – Подохнуть успеешь!

– А это сколько в километрах?

Леший рассмеялся и подмигнул мне. Я понадеялся, что Сивый психанёт и полезет в драку, но Фара притих и дальше плёлся молча. Он бы не отказался лечь в телегу. Ему бы хватило ума нарочно расшибить себе ногу и взять меня жалостью, но я его предупредил, что в телегу он ляжет только мёртвый.

Поляна осталась позади, и дорога устремилась через непроглядную чащобу. Лишь редкие просеки вскрывали её коряжистые внутренности. Тут укрытий было предостаточно, но дорога петляла в обход болотистых озёр, и я разблокировал на колёсах трещотки – не хватало нарваться на кого-нибудь за слепым поворотом. Разблокированные, трещотки цокали громче любой шумихи. Язычок, цеплявшийся за спицы колеса, быстро изнашивался, и я приберегал трещотки для затаённых мест вроде этого леса.

Дорога вывела на мост, перекинутый через русло убогой речушки – слишком убогой для такого моста и такого русла, прежде, наверное, принимавшего куда более внушительный поток. Там что-то мудрили с дамбами, и вот результат. А может, тут другое, с дамбами не связанное, трудно сказать. В сводках недавно объясняли, но чересчур путано, да и сигнал тогда был слабый. Я только понял, что удалось затопить пару сёл и радиоведущие остались довольны. Они там всегда чем-то довольны, иногда аж захлёбываются, как им хорошо. Жутко бесит, но радио мы всё равно слушаем, потому что больше слушать нечего.

За мостом мы свернули к берегу, чтобы пополнить фляги и умыться. Вода была студёная, но я достал из вещмешка ковш, разделся по пояс и окатил себе голову, потом окатил Лешего

– он не побоялся раздеться целиком. Фара и Сивый лишь ополоснули лицо. Кирпич вообще не захотел спускаться к речушке и задержался у телеги. Кирпича пепел и сажа не смущали. И ладно сажа – она жирными пятнами оседала на одежде, а вот пепел проникал повсюду. Мелкий, как пыль, он намертво забивался под ногти, собирался за ушами и в ушах, копился в складке верхних век, за щеками и под нижней губой. Пепел изнутри тонкой плёнкой выстилал ноздри, и я сморкался до гула в голове, пока не вычистил нос. Продрогнув, наскоро освежил подмышки и заторопился к телеге. Вытираясь запасными портянками, смотрел, как неспешно, будто в бане, моется Леший. Тот ещё недовесок, и рёбра выпирают, хоть цепляйся за них мясницким крюком, а холод переносил стойко, по нему и не скажешь, что речушка ледяная. Даже смотреть на него было зябко.

Стоя по щиколотку в воде, Леший раздёргивал патлы самодельным металлическим гребнем. Ждать его я не собирался. Мы с Фарой, Кирпичом и Сивым побросали вещмешки в сетку, протянутую между оглоблями, и, чтобы согреться, быстрее покатали телегу по дороге. Под усилившийся шум трещоток и шумих миновали старый указатель.

– Два километра, – прочитал Фара.

– Уже близко, – кивнул я.

Леший нагнал нас на выкате из леса. Волосы у него были по-прежнему грязные. Подул студёный ветер, и он нехотя натянул шапку, а я в очередной раз подумал, какие же у нас на «Звере» говённые фильтры. Пусть Кардан и дальше твердит про очищающие скрубберы с подщелочённой водой и дополнительную очистку активированным углём, а фильтры всё равно говённые. Может, они действительно охлаждали дым, чтобы дымососные вентиляторы не поплавились, но с пеплом не справлялись. Про запах я вообще молчу. По запаху нас вычисляли и те, кто знал о нас лишь понаслышке. Оно и к лучшему. И никаких трещоток не надо.

– Там! – Фара заметил покошенную изгородь и створки распахнутых ворот.

На всякий случай я заглянул в навигатор и сверился с проржавевшей вывеской. Не дожидаясь команды, Сивый пробрался под опрокинутым на съезд деревом. Даже Леший не приближался к воротам без моего разрешения, хотя не входил в наш отряд и мне, по сути, не подчинялся, а Сивый повсюду лез без спроса, будто работал сам по себе.

Телегу мы бросили на грунтовке. Я показал Кирпичу, какие ветки срубить под упавшим деревом. Не хотел возиться с ними на обратном пути. Пока Кирпич размахивал топором, мы с Лешим и Фарой пошли вперёд.

Нас встретил обычный посёлок с рядами одинаковых улиц и разномастных домов – то кирпичных и добротных, то деревянных и хибаристых. Бояться здесь было нечего, и я свернул направо. Меня интересовал третий дом на пятой улице. Мы его быстро нашли. И сразу приметили у калитки пuzырь.

Двухэтажный бревенчатый дом с металлочерепицей и трубками снегозадержателей на скатах крыши отчасти напомнил дом, в котором я родился и куда надеялся вскоре вернуться. У нас снегозадержателей не было, а вот оцинкованная труба дымохода торчала такая же, и стены мы тоже красили в зелёный.

Леший говорил, что ждать осталось недолго. Месяца два, не больше, – и всё перевернётся. Но Леший вообще много чего говорил. Вчера сказал, что раньше попадались старики с электронным стимулятором в сердце. Стимулятор якобы работал на литиевых батарейках, а они взрывались не хуже противопехотной мины. Леший красочно описал, как старикам выворачивало грудину и какой они устраивали переполох. Кирпич пришёл в восторг, а Фара возразил, что ничего подобного быть не могло. Они с Лешим заспорили. Я отмалчивался, в спор не лез. Только посмеивался и гадал, правда ли, что всё перевернётся через какие-то жалкие два месяца.

Когда в калитку вошёл Кирпич, я отмахнулся от мыслей о скором возвращении домой и сбросил с себя плащ-палатку – отстегнул загнутый угол, развязал тесёмки и превратил её

в квадратное полотнище. Кирпич расстелил свой плащ, и мы взялись за первый пузырь. Ещё четыре пузыря лежали на ступеньках крыльца. Другие два я обнаружил под скелетом выгоревшей теплицы.

Мы так и работали вдвоём. Лешего пузыри не интересовали. Он отправился обыскивать богатые дома, и я слышал, как Леший выламывает замки и разбивает окна. Фара сидел на крыльце и вносил записи в букварь, то есть в книгу учёта. Он единственный справлялся с этой задачей. Открыв букварь, делался серьёзным, почти суровым, и не верилось, что полчаса назад он доставал всех нытьём. А Сивый пропал. Заблудился, пока искал пятую улицу. Ну конечно! Чтобы Сивый – и не заблудился? Хотел бы я знать, чем он занимается, когда вот так пропадает.

Мы с Кирпичом управились с пятым пузырём, а теплицу оставили Сивому. Когда он появился, мы курили на крыльце. Помогать Сивому никто не вызвался. Он и не попросил. Сам нашёл теплицу, расстелил перед ней плащ-палатку, вытащил первый пузырь, а со вторым застрял – не протиснулся с ним в крохотную дверь.

Вздыхнув, я кивнул Кирпичу. Он выломал дверь, заодно раскурочил половину теплицы, и мы вернулись на улицу. Тащили за собой три плащ-палатки. У меня и Сивого лежало по два пузыря, у Кирпича – три. Мы с Сивым тащили рывками, огибали ямы, а Кирпич пёр напролом без остановок и вскоре скрылся за поворотом. Фара вился возле меня, словно надеялся подыскать себе местечко на плащ-палатке и наконец прокатиться лёжа.

Лешего мы не ждали. Он мог застрять на всю ночь, а нам предстояло с гружёной телегой нагнать «Зверь». Я планировал пересечься с ним километрах в восьми отсюда. «Зверь» заложил громадный крюк в обход леса, что упростило нам задачу, однако сон ему не требовался и темнота его не пугала, а мы должны были к закату найти место для стоянки. Разгуливать ночью с телегой, набитой пузырями, я не собирался.

Мы ещё помучались, протаскивая плащ-палатки под стволом опрокинутого дерева, потом выдвинулись по грунтовке. К счастью, воронки не встретились, и маневрировать с телегой не пришлось.

* * *

Дождь сёк ледяной дробью. Небо в корчах взрывалось световыми вспышками, и гром глушил нас даже под покровом леса. Когда же дорога вывела на луговину, слева ударил ветер. Телега с пузырями накренилась, осела на правое колесо, и Кирпич зарычал от натуги, стараясь выровнять её ход.

– Назад! – прокричал я между громовыми раскатами.

Мы вчетвером насилу развернули телегу и покатали её обратно в лес. Опасаясь прятаться в глухой чащобе, я приказал разбить стоянку у дороги и отправил Кирпича за дровами. Пока Кирпич валил хлипкий сухостой, мы с Сивым и Фарой занялись плащ-палатками. Сцепили их парами, изнутри поддёрили тут же наструганными шестами, закрепили растяжки деревянными кольшками и получили две тесные палатки. Побросали вещмешки внутрь и наскоро выдолбили вокруг палаток желоба для отвода дождевой воды. Телегу оставили открытой. Пузырям ливень не мешал.

Кирпич натаскал дров, и мы развели на обочине костёр – так, чтобы подсветить и палатки, и телегу. Я нарочно выбрал сквозной участок грунтовки, подальше от изгибов и поворотов. Теперь нас было хорошо видно метров на пятьдесят в обе стороны дороги. Кирпич хотел соорудить над костром навес, но я ему запретил – опасался прятать стоянку от тех, кому взбредёт в голову шастать по ночному лесу. Огонь неплохо защищала и разлапистая ель.

Сивый первый сел в дозоре, а мы с Кирпичом и Фарой закинулись тушёной и галетами, затем разбрелись по палаткам. Поначалу я лежал один, потом ко мне завалился Леший. Он, конечно, больной на всю голову. Если задержался в посёлке, так лучше бы там и ждал рассвета.

Плохо, что ли, под крышей? Но я ничего не сказал, только высветил Лешего фонарём и убедился, что с ним всё в порядке. По его лицу не понял, нашёл он в домах что-нибудь стоящее или нет, да мне и не хотелось лезть в дела снабженцев. Отряд снабжения отчитывался напрямую перед Сухим – ну, когда тот появлялся на «Звере», а появлялся он редко, и проще сказать, что Леший вообще ни перед кем не отчитывался.

От палатки ощутимо разило пузырями. Нам в поисковом отряде доводилось нюхать кое-что похуже, а Леший мог бы и пожаловаться на запах. Не пожаловался. И не посоветовал чаще стирать плащ-палатки.

– Хорошо, телега дырявая, – промолвил Леший.

Я хмыкнул в ответ. Прислушался к дождю и представил, как бы телега наполнилась водой. Вот всплывают пузыри. Они валяются наружу, скользят вниз по дороге. Мы бежим за ними, ловим их сетками, как в городе ловят крыс, а пузыри вдруг взлетают и, поднявшись над деревьями, бабахают, как Лешего бабахали старики с литиевыми батарейками в сердце. Нас окатывает волной гнили, и Фара блюёт. Кирпич смеётся. Я тоже смеюсь, пока не замечаю, что Фару раздуло. Ватник и штаны на нём разошлись по швам, катафоты осыпались. Он превратился в пузырь. Значит, нужно грузить его в телегу. Но грузить некому. Нас с Кирпичом и самих раздуло.

Я проснулся от боли в кишках. Говорил же Черпаку, что тушёнка палёная! Меня вспучило, как ханурика, пролежавшего денёк на открытом воздухе. Ну вы знаете, как это бывает с хануриками. Другие команды называли их мертвяками, жмуриками, гнилушками, колодами или брёвнами. Хотя про колоды и брёвна точно не скажу. Так вот гниль начиналась в животе, и кишки у них распирали от газов, совсем как у меня сейчас. Неудивительно, что во сне мы с Фарой и Кирпичом превратились в пузыри. Только мне до пузырей было далеко. Ханурику нужно недельки две повалиться, чтобы у него раздуло шею, руки, ноги – того и гляди лопнет. Вот вам и пузырь. У нас их – семь штук в телеге.

Леший дрых какубитый, а я не мог уснуть. Мне бы отдохнуть, но кишки ворочались и хотелось выть от боли. Я слушал, как дождь лупит по скатам палатки, и время от времени поёрдывал. Мы с Лешим лежали бок о бок, однако его никакой пердёж не будил, и меня взяла такая досада, что захотелось нарочно двинуть Лешего локтем в бок, ведь это Черпак из его отряда подсунул мне палёную тушёнку, но я, конечно, ничего подобного не сделал, а вскоре вышел сменить Сивого у костра.

Посидел в дозоре, и меня попустило. И погода присмирела. Уступив место Кирпичу, я вернулся в палатку и быстро уснул. На рассвете почувствовал себя сносно. Дождь ещё накрапывал, но мы свернули стоянку и впятером двинулись прочь из леса.

Телега шла туго. В неё будто подкинули парочку хануриков. После ливня ватники на пузырях потяжелели. Нам бы вчера перед погрузкой раздеть их, но времени возиться с одеждой на раздутых телах не нашлось.

Лес остался сзади, и дорога повела мимо открытых полей. Я опасался застрять в грязи, но грунтовка попала на удивление крепкая, а после обозначенной проржавевшими указателями росстани мы миновали старое пожарище и выбрались на асфальт. Несмотря на мелкие трещины и выбоины, идти стало легче. Телега бодро катила к месту, где нам предстояло нагнать «Зверь», и пузыри в ней, покачиваясь, хлопали в такт каждой пойманной рытвине.

Путь изредка преграждали поваленные электрические столбы, баррикады из сплюснутых машин, один раз встретилась брошенная застава с бетонными блоками и мотками колючей проволоки. Мы вынужденно сходили на обочину или вовсе закладывали крюк через кочкарные поляны, однако не бухтели. По крайней мере, не тащили хануриков волоком, и на том спасибо.

За выгоревшей бензозаправкой я разглядел новенькое кладбище. Ну как – кладбище... Возле продырявленных автоцистерн стояли сколоченные из брёвен и до нелепого чистые кре-

сты. Я отправил Кирпича и Сивого тянуть телегу дальше, а сам снял с борта лопату и свернул на кладбище. Фара и Леший из любопытства пошли со мной.

Мы насчитали тридцать пять безымянных крестов. Ни табличек, ни опознавательных знаков. Я сделал парочку раскопов и убедился, что земля плотная, слежавшаяся – тут явно никого не хоронили, просто вбили кресты.

– Зачем? – спросил Фара, поправляя на плече брезентовую сумку.

– Не знаю, – я пожал плечами.

Леший провёл ладонью по гладко вытесанному основанию креста и улыбнулся с таким видом, будто, в отличие от нас с Фарой, всё понял. Может, и понял. А может, и сделал вид.

Я выдернул из земли лопату и пошёл назад к дороге. Нагоняя телегу, размышлял о кладбище, потом плюнул. Впереди уже виднелся перелесок, за которым я надеялся выйти к «Зверю», и рядом не было ничего, кроме торговой палатки с треплющимся полотнищем козырька, а Фара наткнулся на причиндал поинтереснее безымянных крестов – обнаружил в канаве руку. Нет, рука обычная, ничего особенного, вот только, когда Фара за ней полез, в грязи нашлась ещё одна. Потом ещё две. Фара добрался до кустов, и там этих рук валялось не меньше тридцати.

Разорванных хануриков мы называли членистоногими. Я их повидал немало. Невпопад найти какую-нибудь ногу или голову было привычным делом, но целая свалка оттяпанных по самое плечо рук мне встретилась впервые. Обшарив кусты, мы с Кирпичом убедились, что тел поблизости нет.

Кирпич поднял руку посвежее, с глупой улыбкой помахал ею Фаре и выжидательно посмотрел на меня. Я и сам не знал, как поступить. Сивый, конечно, предложил бы пройти мимо и не душить себя лишними проблемами, однако Сивый пропал.

Я подбежал к телеге. Запрыгнул на неё и огляделся. Сивого не увидел.

– Где он? – спросил я Лешего, беззаботно отдыхавшего на обочине.

– Ушёл.

– Ясно...

– Я думал, он хочет отлить.

– Ничего ты не думал. Как будто не знаешь Сивого.

Я ещё постоял в телеге. Надеялся, что Сивый объявится. Может, он в самом деле пошёл отлить? Ну да... С невозмутимой рожей срёт у всех на виду, а тут вдруг застеснялся.

– Паскуда ты, Сивый, – прошептал я и спустился на асфальт.

Кирпич предложил забрать бесхозные руки с собой. Сказал, что Кардан им обрадуется.

– Ему ведь там не хватает рук? Вот! Целая куча, пусть выбирает! Длинные, короткие. Толстые, тонкие. С набитыми партаками. Без пальцев. – Кирпич, как торгош на развале, поднимал то одну руку, то другую.

В отряде обеспечения движения, как и в отряде снабжения, работали только два человека, и Кардан в самом деле часто жаловался на *нехватку рук*, но пошутил Кирпич тошнотно. Захотелось долбануть его по бритой голове. А Фара рассмеялся. Леший подхватил. И я не сдержал смеха, потому что шутка всё же получилась неплохая, да и Кирпич стоял с такой довольной миной, что нельзя было не рассмеяться.

Руки мы в итоге побросали в ближайшую воронку. Накрыли их полотнищем козырька с торговой палатки, присыпали землёй и вернулись к телеге. Из-за мороси и низких туч я не понимал, далеко ли от нас «Зверь», однако не сомневался, что нам следует поторопиться. Ещё минутку подождал Сивого, затем в раздражении сплюнул и взялся за перекладину.

– Идём, – скомандовал я, и Кирпич поспешил к правой оглобле.

Перелесок приблизился, оставалось пройти совсем немного. Я на ходу судорожно придумывал, как оправдать отсутствие Сивого. Сдать бы его с потрохами, но мне же и достанется, а Сивый опять выкрутится. Он всегда выкручивался. Лучше вообще ничего не говорить. Дока-

пываться никто не будет. Разве что Кардан. Но я с ним справлюсь. Мой отряд – моё дело. А вот Сухой, если нагрянет на «Зверь» с проверкой, точно сдерёт с меня шкуру.

Сказать ему, что Сивый приболел? Или подвернул ногу. Отлежится пару дней в посёлке и нагонит «Зверь». В телеге места не нашлось, а в сетке ехать неудобно. Логично? Ну... да. А вдруг Сухой отправит к Сивому крестов? Тогда всё вскрыется и нас распнут. И Лешему достанется, и ещё кому-нибудь, кто попадёт под горячую руку. Уж лучше набрехать, что мы в вылазке услышали о большом и старом захоронении. Очень большом и очень старом! И я отправил Сивого разнюхать, что к чему. Потом скажем Сухому, что наводка оказалась ложной. Мало ли трепачей. Главное, чтобы Сивый вообще вернулся.

Вот куда его понесло? Я бы не удивился, узнав, что Сивый просто сбежал. Я бы даже вздохнул с облегчением. Но бежать-то некуда. Было бы куда, я и сам, наверное, давно сбежал бы.

* * *

– Куда дальше? – спросил Кирпич разложившимся голосом.

Он умудрился простыть после вчерашней ночёвки в лесу.

– Туда, – я махнул рукой в сторону пригорка.

– Уверен? – уточнил Кардан.

Кардан с Калибром, Сифоном и Малым отправились с нашим отрядом в вылазку. Работы предстояло много, и мы вышли от «Зверя» с тремя телегами. Кардан выполнял мои команды – зря, что ли, весь мозг вынес разговорами про дисциплину? – но ловил любую возможность усомниться в правильности каждого принятого мною решения и этим подбешивал. Сказалось и отсутствие Сивого. Кардан не поверил словам про наводку на старое захоронение.

– Уверен, – спокойно ответил я.

– Отлично! – Кардан кивнул Малому.

Загремев шумихами, они потащили телегу на подъём.

За пригорком начался спуск, но идти стало тяжелее. Прогонистые сосны целились в небо штыками горелых макушек, а под ними пластался песчаный зыбун. Колёса вязли. Берцы погружались по щиколотку, и шаги давались с натугой. Кардан с осуждением посмотрел на меня, будто я нарочно выбрал путь посложнее. Он бы сперва разобрался с клапанами на регенераторах, а потом бы строил из себя умного. Тоже мне механик... Хотя чего тут, у нас в команде все были такие: Черпак – тоже мне повар, Сыч – тоже мне механик-водитель, Фара – тоже мне грамотей. Не мы решали, чем заняться на «Звере».

– Опять пропал? – поравнявшись со мной, спросил Калибр. Он стоял за своей перекладиной справа, а я за своей – слева.

В команде каждый успел расспросить меня о Сивом. Даже Малой, обычно молчаливый и замкнутый, ночью приходил поболтать о том о сём, а на прощание как бы невзначай бросил: «Сивый-то где?» Всем было любопытно. Они бы и Фару растерзали вопросами, да только я после вчерашнего не отпускал Фару ни на шаг. И Кирпичу запретил болтать лишнее. К нему особо и не приставали.

– Мародёрит, наверное? – не успокаивался Калибр.

Я пожал плечами. Калибру нас малость отбитый и с приступами, но, если не показывает отбитость и не валится в судорогах на землю, в целом неплохой. В любом случае откровенничать с ним я не собирался. А Сивый, да, мог и мародёрить. За ним подобное водилось. Ну, многие подозревали, что он мародёрит, хотя с поличным не ловили. У Сивого и щелкунчик имелся. Приблуда вроде навороченных пассатижей, чтобы перекусывать колючую проволоку. Это по словам Сивого. Черпак болтал, что щелкунчиком ханурикам разжимают челюсти, выдёргивают золотые зубы и оттяпывают распухший палец, когда надо снять золотое кольцо.

Челюсти, разжимаясь, щёлкали, вот прибуду и назвали шелкунчиком. Черпак за болтовню словил от Сивого синяк. У него глаз не открывался дня три. Леший тогда заступился за Черпака, и второй глаз уцелел.

Пробравшись через сосняк, мы вытолкали телеги на бетонку и остановились очистить колёса от грязи. Разблокировали трещотки и покатали дальше. Добрели до лопастного зада ракеты, воткнутой в обочину. Вокруг сохранилось ограждение с обрывками красно-белых лент, однако ракета проржавела и опасений не вызывала. Отмеченная в навигаторе, она была нашим ориентиром, и мы с грохотом съехали на ближайшую гравийку.

«Зверь» вчера затормозил у реки. Первый паром утонул – по нему ночью прилетело, – а мост, хоть и железобетонный, не выдержал бы «Зверя», вот мы и застряли в ожидании второго парома. Оно и к лучшему. Иначе я бы не выдернул в вылазку почти половину команды и пришлось бы мне, Кирпичу и Фаре делать ходки три-четыре. По такому случаю к нам присоединился даже Калибр, а реже его со «Зверя» спускался только Сыч. Тот вообще безвылазно сидел в кабине – и спал там, и ел, разве что отлить выбирался наружу.

Гравийка тянулась битая. Чем дальше мы заходили, тем чаще встречались воронки. Под колёсами лязгали обломки снарядов, хрустело битое стекло. Попадались чёрные кузова выгоревших машин и сгруженные баррикадой шины. В одной легковушке с расстрелянным лобовым стеклом сидел ханурик. Ну как – сидел... Он почти истлел и отчасти смешался с барахлом, которое пытался увезти.

В навигатор я не заглядывал. Гравийка вела напрямиком к нужному месту. Да и вонь стояла такая, что тут с закрытыми глазами не заблудишься, если, конечно, не придурнеет. Вот Фаре придурнело. Он первый натянул маску. Нежный. Неумел бы писать, никогда бы не попал в поисковый отряд. Сидел бы с Кротом на топливных резервуарах и радовался жизни.

На ветках показались вороны. Какие-то драные, контуженые. Они не обратили на нас внимания и не шелохнулись, когда Сифон махнул им рукой. Сифон был суеверный. Не любил ни воронов, ни голубей. Кирпич, в отличие от брата, подобными закидонами не страдал, иначе с ним в вылазках было бы хуже, чем с Сивым.

Вонь усилилась. Фара теперь и защитные очки нацепил, чтобы глаза не слезились. Малой, Калибр и Сифон надели маски. Кирпич пока терпел. И я терпел. От вонь щекотало в горле и выворачивало грудь, но я заставлял себя дышать носом. Не хотел уступать Кардану, а Кардан держался долго. Я упряился даже после того, как он сдался. Надел маску лишь вслед за Кирпичом.

Заметив, что в подлеске справа вьются мухи, я крикнул:

– Стоямба!

– Здесь? – недоверчиво спросил Кардан.

– Можешь переть дальше, – огрызнулся я и выдернул из провисшей сетки между оглоблями свой вещмешок.

Мы пришли с полной выкладкой. Подготовили плащ-палатки, облачились в фартуки, нарукавники и верхонки, достали короткие мясницкие крюки и металлические грабли – так мы называли шест с зубьями на конце, которым вообще-то чаще пользовался печной отряд. Спустились в подлесок и поначалу ничего не заметили, но я знал, что мухи не обманут. С каждым шагом их становилось больше. Зелёных, крупных, с глухим шлепком стукающихся о фартук. Фара их ненавидел. Однажды муха залетела ему в рот, а он с испугу её проглотил. Вспомнив тот день, я усмехнулся, а потом увидел стреляные гильзы.

– Где-то тут, – сказал я.

Кардан что-то пробурчал через маску. Я не разобрал слов. И хорошо, а то мог бы вспыхнуть и ответить. На зловонных мясорубках лучше молчать. Без того тошно.

Я заметил подпалённые ветки и коричневые, почти чёрные пятна крови на листьях. Следом разглядел и первого ханурика. Он распластался в кустах, вывернув руки и ноги. Головы

у него не было. Рядом лежал второй. Я протиснулся в кусты, и надо мной взвилось полчище недовольных мух. Леший говорил, что мухи придиричивые и лепятся к ханурикам не раньше третьей недели, когда их раны разжижаются и становятся сочными. А ещё Леший говорил, что по размеру личинок можно с точностью посчитать, когда ханурик обнулится. Мне точных подсчётов не требовалось. Я знал главное: если бы мы пришли сюда неделки на две раньше, возни было бы меньше.

По кустам нашлось с три десятка тел. В коричневых ватниках и камуфляжных штанах, они казались вросшими в землю. Почти все – жабы, то есть почерневшие, липкие и вонючие. Мало вырвало прямо в маску. Он вернулся к дороге отдышаться и заменил маску портянкой, а мы с Кирпичом взяли за ближайшего ханурика. Подняли не сразу. У него слезла кожа с кистей рук, будто перчатки сползли. Мятые перчатки с ногтями. Когда я отряхнул верхонки и попробовал покрепче ухватиться за запястья, легко отделились и сами кисти. Браться за оголившиеся кости предплечий я не стал. Так, глядишь, разберём ханурика по частям. Ухватился за рукава, и мы с Кирпичом кое-как донесли расплывшуюся жабу до телеги. Других таскали на плащ-палатке. В кустах с ней неудобно, но деваться было некуда.

– Ну? Чего зависли? – крикнул я остальным.

Кардан выругался. Отгоняя мух и позвякивая шумихой, подцепил своего ханурика крюком за пояс. Сам того не сдвинул. На помощь Кардану поторопился Малой. Работа пошла привычным ходом.

Сифон намотал поверх маски портянку, и Кирпич посмеивался над братом. Калибр додумался подсунуть под маску каких-то листьев, но задохнулся, полез выгребать листья и верхонкой перепачкал лицо. Закашлялся от отвращения и окончательно развеселил Кирпича. Простуженный, тот скорее рычал, чем смеялся. Кардан продолжал невпопад орудовать крюком. Сразу было видно, что в вылазки с поисковым отрядом они с Калибром ходили нечасто.

Ханурики в оврагах попадались совсем раскисшие, а те, что лежали повыше, встречались с расклёванными глазами. Мы поднимали усиденного мухами ханурика, бросали его на плащ-палатку, тащили через подлесок, потом затягивали в телегу, а мухи, одуревшие, слипшиеся в тёмно-зелёное месиво, отказывались улетать. Когда же их придавливало сверху, наполняли телегу надрывным мушиным гулом.

Малой и Кардан выбрали ханурика поцелее, однако он ватником и штанами зацепился за ветки и отказывался выползть из кустов. Малой, намучавшись, решил раздеть ханурика. Начал с ватника и обнаружил, что тот надет на голое тело. Отстегнул и отвернул борт, а с ним отвернулась и кожа. Малой поспешно запахнул ватник и ещё долго застёгивал его, сражаясь с непокорными пуговицами. Потом взялся срезать цеплючие ветки ножом. Малой, конечно, был странный, но ничего, работал наравне с другими и нос не воротил. Я иногда забывал, что Малому шестнадцать лет.

В такие минуты не верилось, что через два месяца я действительно поеду домой. Да хоть бы и через три. Полгода! Я бы согласился ждать полгода, только бы уж точно знать, что увижу родных.

Вернувшись на гравийку с очередным хануриком, мы с Кирпичом отошли отдохнуть. Не сказать, что в стороне от телег воняло ощутимо меньше, но дышалось полегче. К нам присоединились Кардан и Малой. За ними увязался и Фара. Кардан, дурак, достал самокрутку. Решил закурить, чтобы отогнать запах разложения и перебить привкус тухлятины. Я думал промолчать, но всё же предупредил, что от папиросы станет хуже. Кардан не послушал. Чиркнул спичкой и сделал первую затяжку. Его повело. Кардан упрямылся. Затянулся сильнее, и его моментально вырвало, он даже не успел отвести папиросу от губ – она так и вылетела вместе с блевотиной.

Кардан повалился на колени. Между приступами рвоты косился на меня с испугом. Думал, я буду над ним насмехаться, а мне бы это и в голову не пришло. Малой хотел помочь

Кардану. Тот отмахнулся и от резкого движения опять скорчился. Не дожидаясь, пока он очухается, я заменил маску портянкой, и мы с Кирпичом вернулись в подлесок.

Сифон и Калибр без присмотра застопорились. Ошалелые, стояли над хануриком и соображали, как его подцепить и выволочить на плащ-палатку. Я сказал им, чтобы они не тупили, а уж если тупят, то пусть лучше идут подышать на гравийку.

Пока мы возились с жабами, Фара мешался у нас под ногами. Роняя банную шапку с катафотами и вновь нахлобучивая её на шапку шерстяную, он шараялся в кустах, забирался в овраги, что-то бубнил, выдёргивал застрявшую в ветках сумку и осматривал её, переживая, как бы не порвать износившийся брезент. Ненароком наступил одному ханурику на грудь, и у того из горла вышел газ – с таким звуком, будто ханурик жалобно вздохнул. Фара дёрнулся, хотел отпрыгнуть, но поскользнулся и, загремев шумихами, ухнул жабе на живот, отчего газ теперь вышел из зада.

Фара побледнел, но сам же первый рассмеялся, а его смех подхватили остальные. Подлесок взорвался хохотом. Нас, наверное, было слышно на километр в округе – один Сифон ржал в три глотки, – но воронов и это не отпугнуло. Они даже клювом не повели. Сидели на ветках и безучастно наблюдали, как мы забираем их добычу.

Смех оборвался так же резко, как и начался. Все вернулись к работе.

Фара отряхнулся, подобрал упавшую шапку и вновь подлез к потревоженному ханурику. Задачей Фары было собирать жетоны, которые сам Фара называл мундштуками. Он прятал их к себе в сумку. Кольца, крестики и тому подобное не трогал, но, если находил ценность вроде дорогого портсигара, сваливал в отдельную кучку на дороге. Туда же стаскивал пистолеты, автоматы, гранаты, магазины, ну и вообще всё огнестрельное и взрывное. Карандашом заносил каждую находку на листок описи, а листок передавал мне, чтобы я в свою очередь передал его нашему командиру, то есть Сухому, или непосредственно командиру какой-нибудь трофейной команды.

Покончив с хануриками, я погрузил в сетку небогатую добычу Фары и уставился в листок, будто мог прочитать составленный список. Знал, что Фара не Сивый и скорее удавится, чем что-нибудь зажмёт, но в присутствии Кардана хотел показать, что в целом контролирую происходящее. Только вот Кардану сейчас было не до меня. Его хорошенько прополоскало после той папиросы. Я всё равно пробежался по убористой описи, кивнул и лишь затем скомандовал: – Двинули.

Гружёные телеги загромыхали по гравийке. Хотелось скорее убраться подальше от мясорубки. Мы забрали её вонь с собой, и я понимал, что она будет сопровождать нас до самого «Зверя», однако лес поредел, задул лобовой ветер и стало как-то посвежее. Мы сняли с лиц портянки. Чуть позже остановились отдохнуть. Сели с наветренной стороны от телег. Кирпич и Сифон на двоих закурили одну самокрутку и с усмешкой наблюдали, как Кардан раздражённо уворачивается от табачного дыма.

Никто не порывался достать из вещмешков свой сухпаёк, а Фара достал, вскрыл и вытащил фруктовую палочку. Яблоко с корицей. Фара за такую убьёт. Он на «Звере» был главным любителем фруктовых палочек. Однажды согласился за две штуки подменить печи приболевшего Черепа, правда, знатно там накосячил и словил смачный пинок от Сифона, но палочки сожрал за милую душу.

Отдохнув, мы двинулись дальше. Чтобы вновь не переть через зыбучий сосняк, пошли в обход по бетонке. «Зверь» стоял на месте – догонять его не требовалось, и небольшой крюк нас не испугал.

Впереди показался танк. Весь ржавый, с сорванной башней и покорёженной бронёй – сразу и не поймёшь, что танк, но Калибр сказал, что это «Медведь». В технике Калибр разбирался, как никто другой. Мог ночью по одному лишь звуку определить, какой приближается

беспилотник. Хотя ночью поди разбери, правду он говорит или брешет, летит там ударный «Молот» или разведывательная «Ласточка». Я и днём-то их не слишком различал.

Оружие и ценности я спрятал под «Медведь». Отметил схрон в навигаторе и скомандовал братья за перекладину, а впереди вдруг нарисовалась фигура. Не то горбатая, не то ещё какая. Фигура уверенно приближалась к нам, и минутой позже я понял, что это не горб, а перекошенный заплечный вещмешок. Разглядел седые полосы на башке и убедился, что к нам идёт Сивый. И другие его узнали – не сказали ни слова, но выжидательно посмотрели на меня.

Кирпич сипло хохотнул, ожидая веселья. Его хохоток вывел меня из оцепенения. Я сжал кулаки. Думал разбить Сивому нос, и пусть он, зашибленный, плетётся в хвосте – я не позволю ему даже притронуться к перекладине. Наказание, конечно, получится глупое... Уж лучше запречь его в телегу одного. Пусть надрывается. Торопиться некуда. Паром приплывёт нескоро.

Пока я думал, как поступить, Сивый приблизился на безопасное расстояние – так, чтобы с ходу никто не двинул ему в его рябую морду. Остановился измочаленный, потный, но до тошноты довольный, будто, явившись к нам, совершил подвиг. С придурочной улыбкой сбросил мешок, развязал его горловину и вывалил на бетонку чёрный свёрток.

– Это... – задохнувшись, промолвил Фара.

– Спальники! – крикнул Сивый и не успокоился, пока не выпростал весь мешок.

Пухлые свёртки легли у него в ногах, как защитные кули с песком под памятником какому-нибудь генералу. Где бы Сивый ни пропадал, он действительно умудрился организовать самые настоящие спальники. И не дырявое барахло, которое нам перепало обычно, а новенькие, сшитые вручную. Такие, наверное, выдают командирам роты, батальона или ещё кому повыше.

В итоге нос Сивому никто не разбил. Я как-то растерялся, а потом размахивать кулаками было поздно, потому что все кинулись выбирать себе спальник – слетелись, как мясные мухи на разжиженную рану трёхнедельного ханурика. Толкались, вырывали свёртки другу друга, разве что не дрались, хотя Сивый сказал, что спальники одинаковые. Его никто не послушал, и Сивый, отойдя в сторону, рассмеялся над устроенной им свалкой. Первыми из неё выбрались Кирпич и Сифон. Они осмотрели добычу. Помедлив, бросили её и вернулись за добычей получше.

И я взял спальник. Точнее, спальник мне притащил Фара – один из тех, что бросили Кирпич с Сифоном. Запахнув его к себе в вещмешок, я уже никак не мог ударить Сивого. Иначе поступил бы как последняя гнида.

Когда все успокоились, начались расспросы. Калибр и Фара выпытывали у Сивого, где он организовал спальники, а Сивый отшучивался. Потом до него довязался Кардан, и Сивый рассказал волшебную историю своего везения. Он вчера заблудился. Мотался по лесам и полям, искал нас, а нашёл какого-то старика. Старик лежал раненый, и Сивый помог ему добраться до заимки, где их встретили куры, овцы и старуха. В благодарность старик отдал Сивому четырнадцать спальников – на всю нашу команду, не считая Сухого, ну да Сухому и так жилось неплохо. Старик со старухой якобы шили спальники на продажу, но покупатели сейчас заходили редко, потому что... да бог знает почему, но не пропадать же добру – вот берите, дело у вас важное, мёрзнуть нельзя. В общем, Сивый набрехал, а Кардан проглотил и не утёрся.

Мы бы пошли дальше и я бы не сказал ни слова, но Сивый улыбнулся с нескрываемым торжеством – вот паскуда! – и у меня немного бомбануло. Я так покрыл Сивого, что самому стало кисло. Сивый продолжал улыбаться, только улыбка сделалась растерянной – очередное притворство! – а я строчил как из пулемёта, аж задохнулся под конец. Когда задохнулся, заговорили остальные, даже Малой попробовал вмешаться. Мгновением позже наши голоса обрывались. Из-за леса донёсся свист ракеты.

Она летела упрямо, неотвратно. Мне бы давно привыкнуть, а внутри всё похолодело. Вдали от «Зверя» никто из нас не чувствовал себя в безопасности. Малой тряхнул шумихой,

будто это могло отогнать ракету. Фара крепче обнял спальник. Свист приблизился, достиг своего пика и кольнул уши остриём. На долю секунды воздух наполнился вибрацией, запахло гарью. Мы ввосьмером разом мотнули головой – взглядом проводили мелькнувшую над нами чёрную стрелу ракеты. Свист истончился и пропал. За ракетой протянулась серая дымная полоса – она тут же распушилась и растаяла.

Мы ещё подождали, но взрыва не услышали.

– «Жало», – расчёсывая шею, сказал Калибр. – Такую и на сотню километров пускают. Только пролетела низковато.

– «Жало»... – зачарованный, отозвался Фара.

Споры и ругань возобновились, но без прежнего напора. Я выпалил парочку-другую ругательств и почувствовал, что вымотан. Сплюнув, встал за перекладину слева. Кирпич побросал спальники в сетку и встал справа. Я лишь задержался, чтобы закрыть лицо портянкой – ветер, переменявшись, опрокинул на нас зловонье из телеги, – и мы стронулись.

Сивый подменил Кардана. Теперь Кардан шагал между телегами и донимал Фару какими-то расспросами. Остальные шли молча. Я выговорился на неделю вперёд и тоже молчал. Как бы там ни было, порадовался новым спальникам. Обогрев теплушек отключили, и Фара мёрз – спал под ворохом старой одежды и всё равно жаловался на холод. Сегодня уснёт спокойно.

Где Сивый раздобыл спальники? Уж конечно не у *старика со старухой*, тоже мне придумал... И почему у него всегда так? Вроде бы гнилой насквозь, до самого хребта, а потом сделает что-то полезное, но сделает так, что и похвалить нельзя.

Пока я размышлял о Сивом, впереди показался размазанный по небу столб серого дыма. Мы приближались к «Зверю».

Я стрельнул у Калибра папиросу и поудобнее устроился в телеге. Мы с Кирпичом выполоскали её после вчерашних жаб, и она почти не воняла. Всё равно, конечно, пованивала, но настроение у меня было хорошее и на запах я внимания не обращал. Телегу вкатил на пригорок, чтобы всё видеть, а колёса подпёр камнями. Подложив под голову новенький спальник, следил за печным отрядом.

В их работе было что-то умиротворяющее. Они действовали слаженно – и юркий Череп, и сосредоточенный Малой, и раскрасневшийся от натуги Сифон, которому поручали носить все тяжести. Сифон орудовал граблями с грацией танка, однако на моей памяти ни разу не ошибся и ничего не запорол, в отличие от Черепя, однажды спалившего себе шевелюру под самые корни.

Оборудованные в «Звере» три печи открывались прямым еловым бортом, а под ними на цепях держалась широкая платформа – она позволяла печникам работать даже на ходу. В движении «Зверя» потряхивало, но печники наловчились держать равновесие, а сейчас, когда «Зверь» стоял, управлялись со всем судвоенной ловкостью и быстротой.

Две печи тужились, переваривая содержимое. Печь посередине недавно остудили, вычистили, а теперь опять раскочегарили и подготовили к очередной кормёжке. У каждой печи был свой щиток с ручными и автоматическими прибрлудами: рычагами, кнопками, тягомерами, индикаторами дыма и особыми прибрлудами, чтобы регулировать давление в газо-воздуховодах.

Малой дёрнул один из рычагов. Сегодня моторное отделение «Зверя» молчало, и я с пригорка отчётливо различил, как пыхнул гидравлический привод. Круглая дверь приподнялась, выпуская наружу накопившийся за ней жар. Печники работали в верхонках, в колпаках и в прочей защите, однако от жара привычно отшатнулись. Когда дверь лениво, будто нехотя поднялась до упора и зафиксировалась, печь разъявила раскалённую пасть – стала видна краснокирпичная обмуровка её внутренностей. Вообще печи собирались из толстенных керамических панелей, а изнутри, да, выкладывались огнеупорным кирпичом.

Малой осторожно заглянул внутрь. Проверил газоотводную трубу и форсунки, регулировавшие подачу первичного воздуха. Череп на днях жаловался, что форсунки барахлят, ну то есть не сами форсунки, а отвечающая за них автоматика. Малой кивнул, показывая, что всё в порядке, и Сифон занялся противнем.

Место на пригорке я выбрал удачное. Сюда с реки задувал прохладный ветер, зато я отлично видел и противень, и чёрные мешки, которые сам же вчера зашнуровал. В мешках лежали привезённые на «Зверь» жабы. Скоро от раздобытых нами хануриков останутся прокалённые кости, а пока тела будут гореть, мельчайший пепел их сожжённой плоти пройдёт через прохудившиеся фильтры и серой взвесью вырвется из дымохода, покроет коричневые борта и белую палубу «Зверя», набьётся нам в уши, ноздри, волосы, и мы опять пойдём к реке отмываться, да только по-настоящему не отмоемся, потому что днём печи работали без отдыха и пеплом нас осыпало непрерывно.

Сифон бросил на противень первого ханурика, затем навалил ещё двух. Больше трёх хануриков в одной печи сжигали редко, лишь в запарочные дни, когда печной отряд работал на износ. Ну да в такие дни мы все убивались по полной. Малой дёрнул следующий рычаг – из платформы, заскрежетав, поднялся складной стол, столешница которого напоминала плоский трезубец, а с ним поднялся и нагруженный мешками противень. Хорошо, на днях Сухой привёз новые мешки. Печники, или шашлычники, как их называл Калибр, недели две сэкономили и вываливали подгулявшие тела прямоком на противень, а потом драили ухайдоканную платформу и вымачивали мешки в подщелочённой воде. Та ещё радость.

Столешница на перекрещённых ногах поравнялась с зевом печи, и Малой принялся поочередно нажимать кнопки. Столешница, дёрнувшись, устремила внутрь, тремя зубцами протискиваясь между стальными упорами на кирпичном поде печи. Зашла целиком, затем опустилась и оставила противень с хануриками на упорах, а сама, высвободившись, вылезла обратно. Когда дверь закрылась, Малой проверил выставленную температуру. Тем временем стол сложился и утонул в платформе. Печь, довольная подачкой, запыхтела.

Пока внутрь ничего не положишь, огня не будет, если только на кирпичях не догорает какая-нибудь не вычищенная Черепом дрянь. В печи всё воспламенялось под струями раскалённого воздуха, а вот сам воздух раскалялся от горелок, работавших на газе. Ну или на солярке, если с газом случались перебои.

Я скурил папиросу до обжигающей губы затяжки. Чинарик сберёт, чтобы распотрошить его с другими чинариками и скрутить в новую папиросу. Между тем Малой дёрнул рычаг, опускавший платформу до земли, чтобы загрузить очередную партию хануриков. Затаскивать их по верёвочной лесенке печники, ясное дело, не собирались.

Череп заметил меня и приветственно махнул рукой. Сифон что-то шепнул ему и заржал во всю мощь своей Сифоновой глотки. Я проследил, как они с Малым волочат мешки на опустившуюся платформу. Заскучав, зевнул и приготовился вздремнуть, когда меня со спины окрикнули.

– Бивень!

Повернув голову, я увидел, что ко мне ковыляет Шпала из топливного отряда.

– Бивень! – тише повторил Шпала. – Тебя Кардан искал.

– А чего искать? Я не прячусь.

– В общем, он на палубе.

– Ладно, разберёмся.

Кардан мог и подождать. Разговоры с ним иногда выходили неприятные, а портить себе настроение я не хотел. Ещё пару минут понаблюдал за печным отрядом, но весь извертелся: а вдруг что-то важное? В конце концов выбрался из телеги и потопал к носовой части «Зверя».

Носом мы назвали забранный стальным намордником перёд «Зверя». Палубой – его крышу. Его зад, где располагались трансмиссионное и моторное отделения, называли кормой.

Морскими словечками наш арсенал пополнил Бухта – предшественник Сухого. Бухта пропал, а словечки сохранились. Ну, некоторые из них. Так или иначе, на крышу мы карабкались по вертикальной лестнице, прикреплённой к борту носовой части «Зверя». К ней я и направился.

Вскарабкавшись на палубу, огляделся. Кардана не заметил. Решил, что тот сидит где-нибудь на корме, за торчащими вверх выхлопными трубами, и даже шагнул в их сторону, но передумал. Поразмыслив, пошёл к люку в отделение управления, то есть в кабину механика-водителя, чтобы проведать Сыча и рассказать ему про вчерашнего сержанта.

Сыч не любил остановок. «Зверь» вообще редко останавливался. Обычно не замечал ни овраги, ни топкие луговины, клиновидным намордником подминал остовы горелых машин, таранил скелеты разбомблённых домов, а вот реки преодолевать не научился, поэтому второй день стоял на берегу в ожидании парома. Сыч подскис от безделья и не знал, как убить время. В итоге взялся за уборку, хотя отделение управления и без того было самым чистым на «Звере». Печной пепел наметало через люк, но Сыч умудрялся полностью вымывать кабину. Когда я к нему спустился, он елозил тряпкой по круглым окошкам контрольных приборов.

– Бивень, – ослабил Сыч, и не подумав отвлечься от уборки.

Пока мы с ним болтали, он успел перебрать торчащие из коммутатора провода, продуть всё, что только продувалось в громоздком ящике радиостанции, за которую вообще-то отвечал Кардан, проверить рычаги управления и зачем-то протереть баллоны огнетушителей. Он бы и деревянный каркас кабины перебрал, если бы смог. Смешно, конечно, что внутренняя обшивка крепилась к деревяшкам, – я бы не поверил, но однажды Сыч с Карданом чинили приборную панель и под ней хорошо просматривались державшие панель брусья.

– Маешься? – спросил я.

– Маюсь, – ответил Сыч.

Я хотел сказать про сержанта, но испугался, что Сыч расстроится, ведь они с сержантом дружили. Потом Сыч заговорил про больничку, и я его не перебивал. Он недавно валялся там с какой-то лихорадкой – я уж думал, не вернётся, – а сейчас говорил так, будто загремел туда ну лет пять назад, не меньше. Мы тогда с Лешим на пару вытаскивали Сыча из кабины. Он был дикой псиной, упирался, хватал Лешего за патлы и, как одержимый, повторял, что без него Кардан всё заперет. Кардан, кстати, ничего не заперол. Оказавшись на палубе, Сыч весь потух и больше не сопротивлялся. Его увезли на командирском «Секаче». Дней через десять вернули. Про больничку Сыч не рассказывал – вылечили, и ладно, – а тут вдруг признался, что его там преследовал гул в трубах. То есть это Сыч подозревал, что гудят именно трубы. Он ночами бродил и прижимался ухом к стене, к полу, слушал стояки, батареи. Под конец понял, что гудит его собственная голова.

– От тишины, – вздохнул Сыч.

– От тишины? – удивился я.

– Ага. У меня, может, и раньше гудело, просто на «Звере» незаметно.

– А сейчас?

– Стараюсь отвлечься, ну и чуток шуметь, пока двигатели не заработали.

– Тебе надо какой-нибудь вентилятор с трещоткой, как на телегах.

– Ага, – улыбнулся Сыч. – Скоро там переправа?

– Скоро.

Мы помолчали с минуту, и я сказал Сычу про сержанта. Вчера среди жаб попался странный ханурик. Я поначалу решил, что он просто лежит без руки, а потом увидел, что у него от локтя вместо предплечья и кисти – деревянный протез со стальным крючком.

– Протез? – Сыч насторожился. – Думаешь...

– Он самый.

Как правило, увечных комиссовали в тыл. Некоторые не хотели уезжать. Не знаю почему, но путь у них был один – попасть в команду вроде нашей, поработать на подхвате, подождать и,

если командир одобрит, отправиться на повторный медосмотр в надежде, что тебя, безногого или безрукого, опять возьмут на фронт. Сержант с деревянным протезом попал к нам. Я уже забыл его имя. Да и Сыч забыл. До того как потерять руку, он служил мехводом, а на «Звере» показывал Сычу всякое по технике, рычагам и... Вспомнил! Мы его звали Колчаном! Или Колчой... А может, так звали увечного, который лишился ноги и отрабатывал у нас в хозблоке. Неважно. Суть в том, что Сыч с ним подружился. Недели через две сержанта увезли, и мы о нём ничего не слышали.

– Значит, всё-таки вернулся на фронт! – повеселел Сыч. – Хорошо. А то он переживал.

Гадал: повезёт, не повезёт.

– Повезло, – кивнул я.

– Ага.

– Судя по жетону, опять взяли в танковый.

– В роту?

– Не, во взвод обеспечения. Тоже неплохо.

– Его уже сожгли?

– Трудно сказать. Не помню, какой у него мешок.

– Ну да...

Сыч вроде бы не расстроился. Мы ещё поговорили о том, какой сержант молодец. Другие иногда нарочно коцались, чтобы уехать в тыл.

Попадались и те, кто не коцался, но умудрялся оформить на себя чужое ранение, – уезжал с фронта целёхонький и в тылу получал выплаты как настоящий увечный. Даже не знаю, как такое возможно. Наверное, опять выдумки Черпака. Вряд ли о подобном рассказывали по радио. Когда Кардан его собрал, мы все спускались в хозблок слушать фронтовые передачи, а потом надоело слушать одно и то же. Черпак отчасти заменил нам радио, вот и брехал как умел.

– Ладно, пошёл я. Меня там Кардан искал.

– Ага.

Выбравшись на крышу, я напоследок бросил взгляд в кабину и увидел, что Сыч взялся смазывать петли люка, спрятанного за его сиденьем. Люк вёл в ходовые внутренности «Зверя». Черпак болтал, что от него разбегаются сеть технических шахт и по ним Сыч, когда надо, пробирается к любому отделению, хоть к трансмиссионному, – тайком ползает по шахтам, куда кроме него только Крот и протиснется, но Крота туда и палкой не загонишь, тесноты ему хватает и в топливном отделении. Ещё Черпак говорил, что внутри «Зверя» скрыта особая комната с особым оборудованием, предназначенным бог знает для чего, а вход туда открывается из особой технической шахты, где так тесно, что и Сыч едва протискивается.

– Как же это оборудование туда затащили? – с улыбкой спрашивал Леший.

– А его не затащивали! – отвечал Черпак. – Его туда сразу погрузили, когда от «Зверя» один каркас стоял, ясно?

– Ясно, чего уж тут, – усмехался Леший.

Кардана я в самом деле нашёл за торчащими из крыши «Зверя» выхлопными трубами. Он возился с решётками вентиляторов, затягивавших в «Зверь» свежий воздух и выбрасывавших воздух отработанный. Такие решётки виднелись по всей палубе, и они вечно забивались пеплом. Сейчас Кардан чистил одну из них. Завидев меня, выпрямился и закурил. Поморщился после первой затяжки. Он ещё дней пять в каждой самокрутке будет чувствовать трупный привкус. Я знал это по собственному опыту.

Выяснилось, что Кардан звал меня обсудить телеги поискового отряда. Вчера намучился с ними и теперь подумывал их усовершенствовать. Хотел на пробу поставить самой старой телеге сдвоенные колёса, чтобы она меньше вязла в грязи, а к ступице приделать прибуду, облегчающую подъём в горку. Я не понял, о какой прибуде речь и чем она хороша. Испугался, что Кардан чего-нибудь намудрит и мы застрянем в пробной вылазке, однако знал, что

до телеги он доберётся нескоро, если вообще доберётся. Ему хватало других забот вроде возни с решётками вентиляторов.

Разговоры о технических улучшениях всего подряд были отдушиной Кардана. Отдушиной, утомительной для любого, кто согласится его выслушать. К счастью, на поясе у Кардана защёлкала рация и он умолк прежде, чем я заскучал. Сквозь фоновое шипение Сыч сообщил, что к «Зверю» едет Сухой.

На всю команду сохранились две рабочие рации. Ими пользовался отряд обеспечения движения, то есть Сыч с Карданом, и Сыч лишний раз не выбирался из кабины – переговаривался с Карданом на расстоянии. Рациигодились бы и в поисковом отряде. Я просил Кардана починить хотя бы две штуки, но где уж тут! Вот болтать про неведомую приблуду для колёс и без того неплохой телеги – это пожалуйста.

Услышав про Сухого, Кардан засуетился. Наскоро вытер руки ветошкой и помчался к носовой части «Зверя», а я остался на корме. Мне-то что? Телеги чистые, Сивый на месте, Фара живой, Кирпич оклемался от простуды и почти не хрипит. Я не боялся проверки, а другие забегали. К приезду командира приводили себя в порядок, прибирались в отделениях. И ныкали алкашку. Командир её не любил. Если находил, мог разделить под орех, однако находил редко: прятали хорошо, да и прятать особо было нечего. У нас в команде алкашкой не увлекались, только Калибр иногда посасывал какую-то дрянь. По словам Черпака, её приносил Сивый. Может, и приносил, но видеть никто не видел, а значит, и говорить не о чем.

Я прогулялся до баков резервного топлива, обшитых стальными щитами и закреплённых аккуратно на краю кормы. Лёг так, чтобы в прозоры между баками следить за дорогой и наслаждаться первым солнцем. Оно вышло ослизлое, красновато-жёлтое, каким бывает ханурик на пятый день разложения, и совсем не грело. Я всё равно им наслаждался, предвкушая скорое тепло. Хотелось уже снять и подальше убрать осточертевший ватник.

Ветер в прибрежных деревьях завывал, как воеет крылатая ракета. Я лежал на крыше «Зверя», чуточку подрагивал на измене, но знал, что никакие ракеты мне не страшны. Почти задремал, когда меня разбудил Фара. Он пришёл на корму заново перебрать собранные вчера жетоны.

Каждый ханурик в специальном кармане у ширинки держал жетон. Ну почти каждый. И раньше они действительно были именно жетонами – металлическими пластинками, легко разламывавшимися пополам. На половинках повторялись личный номер и группа крови. Одну половинку совали ханурику в мешок, а другую сдавали командиру. Настоящие жетоны встречались и сейчас, но вообще от них сохранилось лишь название. Их зачем-то заменили шестигранными капсулами, похожими на патрон, ну или, как говорил Фара, на мундштук.

В капсулу засовывалась скрученная бумажка с годом рождения ханурика, адресом проживания и кучей дополнительных цифр. Наверное, всё это было важно, вот только ханурики часто лежали в грязи, мокли по оврагам, сваливались в реку, и в капсулы проникала вода – бумажка расплзлась, и поди пойми, что на ней написано. Бывало и так, что капсула не протекла и вроде бы всё хорошо, но внутри вместо стандартной бумажки с цифрами – какой-нибудь швейный набор, папиросная бумага или накарയാбанное карандашом письмо от ханурика его родным. Да, случалось и такое.

За жетоны в поисковом отряде отвечал Фара. Он собирал мундштуки, потом извлекал бумажки и кропотливо заносил их соответствующие столбики букваря, то есть «Книги учёта безвозвратных потерь». Вчера Фара оприходовал почти всех жаб, но ещё остались четыре жетона с размокшими бумажками. Он не торопился их выбрасывать. Надеялся разобрать хоть парочку цифр, чтобы ханурики, сожжённые в печи, не затерялись совсем уж без следа.

Фара ничего не добился, и мы пошли смотреть на печников. К нашему приходу они остудили и вычистили третью печь. Сифон граблями выскреб на поднос уцелевшие кости, а

Череп забрался внутрь, чтобы веником из металлических прутьев вымести пепел. Пока Сифон и Малой поднимали в третью печь новую партию хануриков, Череп занялся подносом. Костей от трёх сожжённых хануриков осталось килограммов шесть, и Череп водил над ними магнитом – вылавливал всякую упущенную мелочовку вроде пуговиц, штифтов, спиц, болтов и металлических зубных протезов.

Я вспомнил про электронные стимуляторы на литиевых батарейках, которые, по словам Лешего, взрывались в груди ханурика – калечили печь и стоящих рядом печников.

– Да враньё это, – заявил Фара.

Мы с ним, устроившись в телеге, немного поспорили и сошлись на том, что, может, и не враньё. Леший не Черпак, на пустом месте брехать не станет. Он, конечно, иногда рассказывал такое, во что не очень верилось, однако Леший в вылазках от отряда снабжения повидал побольше нашего, да и с другими командами общался чаще. От них и услышал про стариковские стимуляторы. Где-нибудь на другом «Звере» они, может, и взрывались.

Череп убрал магнит. Из телеги я не разглядел его улов, но знал, что в лучшем случае ему попала половинка настоящего жетона – единственного на всех вчерашних жаб. Я по правилам сунул её в мешок, хотя дело это бессмысленное. Хануриков сжигали по трое, а выуженную из костей половинку выбрасывали с прочим мусором. Между тем Череп пошёл к съёмному ковшу дробилки, расположенной слева от первой печи, и засыпал в него кости. Захлопнул ковш и нажал кнопку.

Шаровая мельница дробилки загудела. Её гул прерывался скрежещущим кашлем. Она уже ломалась, и тогда Черепу приходилось давить кости вручную. Прокалённые, они давились легко, но их было много – вымотавшись за день, Череп едва доползал до своей шконки. Сейчас дробилка, несмотря на кашель, работала исправно и за короткую минуту перемолола кости хануриков в сухую пыль.

Череп снял ковш и опрокинул его в горловину бака. Бак казался бездонным, однако недели за три-четыре наполнялся, и командир приезжал за ним на своём внедорожнике. Куда и зачем Сухой забирал безымянный прах, мы не знали. Черпак болтал, что из него в тылу делают кирпичи, а из кирпичей строят гигантский Дом советов – такой, чтобы виднелся издалека и чтобы самолёты летели ему в обход.

– Из праха не получится кирпич, – заметил Леший.

– Получится! – уверенно возразил Черпак. – Если добавить всякое. Песок, глину и... всякое!

– Тогда это не кирпич из праха, а обычный кирпич с добавлением праха.

– Нет!

Черпак заявил, что на другом «Звере» печники однажды неделю сидели без хануриков и к ним стали привозить подранков из больнички, потому что праха нужно много – на такой-то Дом советов! – и простой печей был недопустим. Черпаку никто не поверил. Чего-чего, а недостатка в хануриках не случалось, и сжигать подранков никому бы не потребовалось. Разве что в морозные дни, когда мясорубки завалены сугробами.

Фара, лёжа в телеге, уснул. Сумка съехала у него с плеча и, звякнув, упала на днище. Фара хранил в ней и пустые мундштуки – самые красивые из найденных поисковым отрядом. Да, капсулы попадались самодельные: покрытые резьбой, обвитые латунной проволокой или украшенные серебристыми вставками. Фара от них тащился.

Глядя на его сумку, я подумал о Сивом. Мы иногда попадали на такую мясорубку, где перемешаны разные ханурики и надо для начала отличить своих от чужих, а по форме и снаряжению они почти одинаковые. Ну, есть, конечно, различия: и ворот на ватнике чуть другой, и ботинки не совсем такие. У своих в аптечке, кроме бинтов и жгута, обычно ничего нет, а у чужих там и таблетки, и ножницы, и медицинские перчатки, и восковой карандаш. Но отличить всё равно трудно. Хорошие вещи одни часто снимали с других взамен собственных, пло-

хих или потерянных. И жетоны, если они вообще были, не всегда помогали. Та ещё контузия мозга! Выручали метки «свой-чужой». Полоски скотча на левой руке и правой ноге. У своих – синие, у чужих – жёлтые. Мы и сами такие наматывали. Ханурика с синим скотчем забирали. С жёлтым оставляли. И ханурика без меток оставляли. А Сивый тайком срезал синие метки! Представляете? Ну не паскуда, скажете?

Мы как-то на смешанной мясорубке с ходу насчитали двенадцать синих хануриков, а по меткам в итоге вывезли десятерых и дружно промолчали, потому что никто ничего не видел. Или вот мы иногда не спешим с хануриком, порванным на части. Рука с синей меткой лежит на виду, а где ноги со штанами и кармашком под жетон – ищи-свищи. Такого ханурика заприметишь и обойдёшь, чтобы заняться им напоследок, а потом смотришь: нет метки. И уже сомневаешься, а была ли она, мало ли в одном месте валяется членистоногих. И не докажешь, что Сивый хитрит. Он на всё пойдёт, лишь бы не жилиться в вылазке и не делать вторую ходку. Точно, что паскуда.

Это с одной стороны, а с другой... Вот Череп собирает пластмассовые танки. Ну, знаете, с моторчиком. Тоже верит Лешему – думает, что ждать осталось недолго, и не хочет возвращаться домой без подарков. Сивый вчера организовал Черепу новый танчик, причём с батареями. Мы всей командой топтались на палубе – смотрели, как Череп гоняет его между вентиляционными решётками, – пока нас не прогнал Кардан. Тут Сивый молодец, ничего не скажешь. И поди разбери, какой он человек.

От мыслей о Сивом меня отвлекли голоса. Я подумал, что приехал Сухой, а это припёрлись трофейники. Мы вчера встретились на бетонке, я отметил в их навигаторе схрон, устроенный под «Медведем», и передал им описание Фары. Они утром заглянули к танку, ничего не нашли и теперь притащились бодаться. Я немного сдрейфил, но подтянулась тяжёлая артиллерия – Кирпич с Сифоном – и стало поспокойнее. Да и долго бодаться не получилось. На дороге появился «Секач» командира. Трофейники могли воспользоваться моментом и пожаловаться Сухому, будто я нарочно их запутал и заставил зазря копать в другом танке, – хоть убей, не понимаю, как они не заметили отмеченный мной «Медведь»! Не воспользовались. Не пожаловались. Решили не нарываться и умотали к мосту.

Я бы из принципа сгонял до «Медведя» проверить схрон, но командир приказал готовиться к переправе. Мы с Кирпичом поторопились закрепить на носу «Зверя» все пять телег поискового отряда – три ходовые и две запасные. Тут было не до схрона.

Час спустя в моторном отделении «Зверя» загрохотали два судовых дизеля мощностью в несколько тысяч лошадиных сил. Корпус дрогнул, на подъёмных цепях хлопнула задранная печная платформа, из четырёх выхлопных труб вырвалось чёрное облако выхлопа, и могучие гусеницы, заскрежедав, струнулись. Я под подошвами берцов ощутил приятную вибрацию земли. «Зверь» медленно покотил вниз к берегу, куда уже причаливал паром.

* * *

Пепельно-серые облака заслонили солнце. Ветер и качка усилились. Мы всей командой собрались на мосту и с тревогой следили за переправой. Нам редко доводилось так явно чувствовать уязвимость «Зверя». Страх за его судьбу сделал нас маленькими, ничтожными. Обычные оборвыши, которым и деваться-то некуда. Даже Сухой стоял поникнув, без обычной для него важности. Задерживаться на мосту было опасно, но мы ждали, когда паром приблизится к противоположному берегу, и с места не сходили.

Я вдруг понял, какие мы на самом деле чужие друг другу. Горстка людей, наугад собранная в механизированную похоронную команду взвода материального обеспечения тридцать пятого мотострелкового батальона. Логичнее было включить нас в состав танкового батальона – всё равно при больших поломках к нам приезжали механики из танкового ремонтного

взвода, – но как-то так изначально повелось, что «Звери» чаще включали именно в мотострелковый. Ну и ладно. Это головная боль Сухого.

Сухой постоянно пропадал в разъездах. Катался на своём «Секаче» в штаб батальона и обратно. Следил за нашим снабжением, привозил на «Зверь» координаты маршрута и попутных мясорубок. Мы с Кирпичом, Фарой и Сивым уже готовились после переправы тянуть телегу по очередной наводке. Командир сказал, что нас ждёт «неопределённое число» хануриков.

– Дело говно, – вздохнул Сивый.

Тут я с ним согласился. «Неопределённое число» могло означать и десяток, и полсотню хануриков, а то и сотню. Как говорил Сивый: подохнуть успеешь, пока всех перетаскаешь. Но богатые мясорубки сейчас попадались редко. Не то что раньше. В одном котловане как-то положили бригаду со всеми штурмовыми, парашютно-десантными и разведывательными батальонами. Бог знает почему они подставились, но к ним съехалась дюжина «Зверей» – цепочкой окружила котлован и дымила целую неделю. Считайте, получился настоящий городок. Округу на несколько километров усыпало пеплом. Леший утверждает, что так всё и было. Может, и было. Я бы посмотрел. А сейчас мясорубки попадались мелкие и разрозненные. Наберётся, как вчера, хануриков под тридцать – и мы давай ворчать и жаловаться, что нам трудно.

Ветер предательски ударил в спину, и мы разом отступили от края моста. Кирпич с Сифоном замешкались, но потом тоже отступили. Не хватало свалиться в ледяную реку и подставить кого-нибудь из другой похоронной команды. Русалок, то есть выловленных из воды хануриков, никто не любил. Мерзкие они. Мерзкие и скользкие.

Ограждение моста давно обвалилось. По краю его словно обкусили – из надкусов торчали рёбра почерневшей арматуры. Тут спрятаться негде. Если только за стоявшим неподалёку «Секачом» командира. Под «Зверем» мост бы рухнул. Всё-таки сто восемьдесят семь тонн живой стали! Ну, не одной стали. В «Звере» было больше другого металла, и пластика, и дерева, и стекла, а ещё газа и солярки в резервуарах и всякого барахла вроде аккумуляторных батарей, но Сухой часто говорил «сто восемьдесят семь тонн живой стали», и мне нравилось за ним повторять.

Паром едва держался на плаву. Казалось, ещё мгновение – и он затонет, до того громадным представлялся водружённый на него «Зверь», по виду тонн на пятьсот, не меньше.

На «Звере» не было брони, он же не танк. Щиты на резервных баках не в счёт, они лишь оберегали от случайной пули и до сих пор висели целёхонькие. В прочем – ни полноценной брони, ни пушек, ни боеприпасов. Это объясняло скромный при таких габаритах вес. Иначе «Зверю» не покорила бы ни одна река. Ну или пришлось бы его расчленять и расчленённым грузить в вагоны, чтобы заново собирать на противоположном берегу. Не хочу и представлять подобную канитель.

В высоту прифронтовой механизированный сжигатель гусеничного типа «Зверь 44» достигал семи метров! И это без учёта двух кормовых подъёмников. В ширину – девяти метров, а в длину – двадцати пяти. Настоящий двухэтажный дом на двух гусеницах шириной по три с половиной метра! В каждой гусенице – сто сорок цельных и сто сорок составных траков, а траки массивные, отлитые из марганцовистой стали и закалены так, что могут без критических повреждений подорваться на противотанковой mine. Шёл «Зверь» неторопливо. По бездорожью делал три километра в час, а по сносной дороге разгонялся бы до семи с половиной, да только сносных дорог почти не осталось. Не самая шустрая машина, согласен. Зато на горной передаче Сыч пускал её на тридцатиградусный уклон и не боялся, что трансмиссионное отделение накроется.

Останавливался «Зверь» редко. Иначе не поспевал бы за фронтом. Его и ремонтировали на ходу, если не полетело что-нибудь в ходовой части. А печи гасли по ночам, и то не всегда.

Сейчас, во время переправы, они продолжали работать. Малой сказал, что к выгрузке на берег как раз прогорят последние ханурики из вчерашней партии.

Ветер разрывал серый дым печного дымохода, хлопал цепями кормовых подъёмников, кренил штанги бортовых прожекторов и разболтанное ограждение над кабиной Сыча, трепал растянутые над палубой бельевые верёвки. Хорошо, мы догадались снять одежду. И телеги надо было снять – перевезти их по мосту. Если ветер сорвёт хотя бы одну телегу, Сухой меня заживо выпотрошит.

Паром кренился на волнах, однако шёл уверенно, и никакие телеги в реку не сорвались. Вблизи от берега паром замедлился, начал разворачиваться, и мы увидели правый борт «Зверя» с нанесёнными белой краской четырёхметровыми буквами и цифрами. «ЗВЕРЬ 44». Краска облупилась и потемнела. Хорошо читались лишь первые две буквы, но к борту Сухой не докапывался. Зато приказал заново побелить палубу, то есть крышу «Зверя», хотя с прошлой побелки не прошло и месяца.

– Идём, – скомандовал Сухой. И мы пошли.

Ну, Сухой, Кардан и Леший забрались в «Секач» и поехали, а остальные – да, пошли. Неторопливо спустились к месту, расчищенному для высадки. Паром закрепил на нём громадную рампу. «Зверь», грохоча и омываясь чёрным выхлопом, сполз на берег. Высадка считалась ещё более опасной, чем сама переправа, однако Сыч знал своё дело, и вскоре «Зверь» вскарабкался по твёрдой земле на прибрежный косогор. Паром отбыл, следом уехал Сухой, а мы заглянули в отделения проверить, всё ли уцелело после переправы.

Отделений у «Зверя» было девять. Печное открывалось сбоку, а в другие восемь мы проникали с палубы. На носу «Зверя» располагалось отделение управления, дальше парами шли холодильное и жилое, топливное и мусорное, хозяйственное и печное. На корме последней парой располагались трансмиссионное и моторное, проверять которые Кардан отправился в одиночку. Не любил помощников, да к нему никто и не напрашивался.

Несмотря на болтанку, ничто не разбилось, не протекло, и мы вздохнули с облегчением. Только Кардан продолжал озабоченно проверять воду в системах охлаждения. Мы его не трогали. Знали, что он до поздней ночи будет ковырять кишки «Зверя», пока не убедится, что в трубопроводах нет утечки, пока не прощупает крыльчатки и лично не проверит натяжение ремней.

До новой мясорубки осталось километров десять. Мы могли бы отправиться в вылазку уже сейчас, но зазря бегать с телегой я не хотел. К тому же мы с Фарой продрогли на мосту. Отложив вылазку, побросали ватники на откинутой платформе и забрались погреться во вторую, только что вычищенную печь.

Малой включил поддув, чтобы мы не задохнулись, и закрыл дверь. Следом включил горелку – не на полную мощность, конечно, – и воздух к нам поступал горячий. Поелозив, мы кое-как устроились между продольными упорами, обычно удерживавшими противень, и расслабились. Наслаждались теплом кирпичного пода и, наверное, со стороны напоминали хануриков. Ну, знаете, на третью неделю они сдуваются, лицо у них оплывает и делается ослизлым. Вот и мы с Фарой лежали такие. Размягчённые от жара, дряблые, а по нашим лицам струился пот.

Засыпая, я подумал, как бы там печники случайно не задали нам настоящего жару. Сифон мог и нарочно подкрутить чего не надо, надеясь, что мы завершим от ужаса, поржать себе в радость, а потом запутаться в датчиках и спалить нас с Фарой дотла. Мы превратимся в дым и пепел. Нас затянут сразу десять вертикальных дымоходов, мы вылетим в общий горизонтальный дымоход и, миновав старенькие фильтры, вырвемся наружу – серым облаком нависнем над землёй, пока нас не развеет ветер.

Улыбнувшись, я уснул. И мне приснилось, что на «Зверь» приехал генерал. Суровый, с начищенными сапогами и блестящими звёздами на погонах— я такие крупные звёзды только

в газетах и видел. Там частенько печатали портреты генералов. И речи печатали. Кроме Фары, у нас грамотных не было. Когда он ленился зачитывать речи, я просто разглядывал портреты.

Иногда смешно, если по радио услышишь, что такого-то генерала сняли и он угодил в исправительную колонию или в штрафбат, а газету привезли трёхнедельной давности, и этот генерал ещё красуется на передовице, чеканит обычное: «Наше оружие и наши бойцы – последний рубеж, отделяющий мир от катастрофы», – и ему к груди крепят очередной орден, в действительности уже с позором снятый. Вот такой генерал, как с передовицы, в моём сне приехал любоваться «Зверем», а водить его и всё ему показывать почему-то выбрали меня.

Я засмотрелся на его сапоги, и Фаре пришлось ткнуть меня в бок. Опомнившись, я вытянулся во весь рост, даже чуть привстал на мысках и всё равно был генералу лишь по грудь с цветастыми орденскими планками и отдельно висящей золотой звездой героя. Я безошибочно отметил ордена почёта, за заслуги, за личное мужество и всякие медали в память, за укрепление и опять же за заслуги, хотя в планках совершенно не разбирался.

«Ну!» – взмолился Фара.

«Это особого рода аппарат», – наконец сказал я, не без любования оглядывая «Зверь».

«Хм», – безучастно ответил генерал.

Я повёл его по палубе, нахваливая работу команды и выдавая какие-то подсчёты, которых наяву и знать не знал.

«Хм», – одобрительно промолвил генерал.

Потом мы оказались в моторном отделении, и второй двигатель почему-то молчал. Кардан, перепачканный до черноты, возился с рубашками цилиндров, весь истекал потом. Увидев нас, он начал сбивчиво оправдываться. Так разнервничался, что выронил разводной ключ и тот канул в бездонном колодце вскрытого двигателя.

«Хм», – довольно грозно сказал генерал.

Меня задело за живое, и я горячечно ответил: «Машина очень сложная! Всегда что-нибудь может порваться или сломаться, но это не должно сбивать столку при общей оценке!»

«Хм», – чуть более снисходительно отозвался генерал.

Мы ещё долго гуляли по «Зверю», и генерал с особенным вниманием осматривал его верхние части, затем Фара застонал во сне, и я проснулся.

Фара продолжал спать, но я его растолкал, и мы с ним поговорили о Сивом. Вспомнили, как месяца два назад у нас в холод не осталось хануриков – просто не получалось выдолбить их из мёрзлой земли. Правила запрещали включать печи вхолостую, если хотя бы в одной из них что-нибудь не сжигалось, и тогда Сивый самостоятельно раздобыл нам свежего ханурика. Пока тот горел, мы всей командой по очереди грелись в соседних печах. Черпак болтал, что Сивый нарочно кого-то обнулил. Брехня, конечно. У нас и оружия-то нет. Оно, как и знаки различия, похоронной команде не полагалось. И чем Сивый кого-то обнулил? Не граблями же! В общем, брехня она и есть.

Мы с Фарой пошутили о Сивом, синхронно зевнули и приготовились вновь задремать, но тут круглая дверь печи приподнялась, запустив внутрь прохладу. Мы услышали шум гидравлического привода и грохот «Зверя», прежде скрытый от нас, и увидели улыбающуюся морду Сифона.

– Дверь зачини, зараза! – в голос закричали мы с Фарой. – Дует!

– Проваливайте уже, – хмыкнул Сифон.

– Чего там?

– Газ приехал.

«Зверь» в самом деле нагнали три заправщика. Они подкralись к нему с правого борта, где Шпала и Калибр изготовились принять и закрепить заправочные рукава. Крот в такие минуты сидел на уровнемерах – смотрел, чтобы резервуары не наполнялись больше чем на девяносто процентов. Одного резервуара хватало на плюс-минус восемьдесят восемь хану-

риков. Если заканчивался сжиженный газ, печи переключались на солярку, однако расход у неё был выше и горелки от неё чаще ломались, поэтому Сухой следил, чтобы нас заправляли вовремя.

Заправлялся «Зверь» на ходу. Учитывая его скорость, особых сложностей тут не возникало, но пустовавшие печи надлежало полностью отключить. Мы с Фарой нехотя выбрались наружу, быстро озябли и поторопились натянуть ватники. По откидной лестнице поднялись с платформы на палубу, побрели к правому борту посмотреть на заправщиков и перекинулись парой слов с Лешим, затем пришло время вылазки, и я отправил Фару в жилое отделение за Сивым и Кирпичом.

Подождав, пока «Зверь» выберется на ровный участок дороги, мы краном малого носового подъёмника спустили телегу, а следом спустились сами. Миновали затор из покорёженных и проржавевших легковушек. Провозились, перетаскивая телегу через рваные полосы отбойников, потом ненадолго застряли в лабиринте из опрокинутых на обочину грузовиков. Среди них попала и с виду целёхонькая боевая машина пехоты. Мы зашли поглубже в открытое поле и добрались до обозначенной в навигаторе мясорубки. Сразу стало понятно, почему число здешних хануриков Сухой назвал «неопределённым».

Поле, насколько хватало глаз, тянулось вспаханное сотнями воронок. Знаете, как бывает на открытом болоте, когда оно просматривается вдаль и всюду видны тёмные глаза крохотных озёр? Так и здесь, но вместо озёр – воронки с ореолами чёрных подпалин. Будто поле нарочно изрешетили в отместку за... даже не знаю, за что мстить полю. Самое странное: никакой подбитой техники. Одни воронки.

– Кто-то убежал из-под обстрела, – предположил я вслух. – Кто-то очень важный. А по нему долбили из всех орудий и никак не могли попасть.

– Ну да, конечно, – отозвался Сивый.

– А что?

– Артиллеристы тут тренировались, вот что.

– Ну да, конечно, – передразнил я Сивого. – Скажи ещё: авиация. Артиллеристы удавились бы столько снарядов пускать на пристрелку.

Воронки встречались и помельче, и поглубже. В одну из глубоких ещё в холод побросали хануриков. Удобно. И не надо долбить мёрзлую землю. Без воронок и оврагов приходилось разогревать её кострами, иногда вовсе вскрывать взрывчаткой. В общем, хануриков побросали, но почему-то в навигаторе изначально не отметили. Их укрыло и спрятали снегом. Последний снег стаял недели две назад, мясорубка обнажилась, и к ней отправили поисковый отряд ближайшей похоронной команды, то есть нас с Сивым, Кирпичом и Фарой.

Ханурики здесь были чем-то средним между жабами и пузырями. Отчасти заплесневели, раздулись, покрылись желтоватой слизью и слиплись.

Поди посчитай, сколько их тут. И дна воронки не видать. Вот и «неопределённое число». К счастью, дно вскоре наметилось, и я прикинул, что мы управимся в две ходки.

Плесень меня не удивила – она изредка прорастала на промёрзших мясорубках, – а вот отсутствие меток «свой-чужой» показалось странным. Ни одной метки! И жетона ни одного! Фара аж вспотел от негодования, пока обшаривал хануриков. У них даже кармашков под жетоны не обнаружилось. Подобные мясорубки мы обычно обходили стороной, но Сухой сказал, что тут все ханурики наши, значит, забрать предстояло всех.

Мы с Кирпичом растерянно переглядывались, Сивый, поправляя маску, хмурился, а Фара не отползал от разложенных у телеги хануриков. Выворачивал карманы, прощупывал брючины, перочинным ножиком вспарывал ворота и наконец издал радостный крик:

– Нашёл!

Фара повозился, растёгивая ватники и лёгкие куртки, неаккуратно подбитые чем-то вроде тонкого войлока, и убедился, что у хануриков из воронки взамен жетона был обыкно-

венный партак: на груди у каждого нашлись наколотые личный номер и группа крови. Мелкие цифры и так едва читались, а тут ещё кожа расползлась от малейшего прикосновения. Фара в любом случае не собирался заносить их в букварь.

– Эки, – сказал Сивый.

– Ого, – выдохнул Кирпич.

Я слышал, что раньше эков записывали в штурмовые отряды, но сам таких не видел. Им на фронте один день срока засчитывали за семь или девять, и многие шли добровольно. Из колонии – прямиком на фронт. Хорошо ведь: загремел на пятнадцать лет, а тут годика два побегай, постреляй – и на свободу. Или в воронку. Да, скорее, в воронку. Думаю, их особо не жалели. И семьям эков не светило пособие, полагавшееся за смерть обычного бойца. Тогда заодно ужесточили законы, чтобы всяких недовольных сплавить в колонию, а следом со всем их недовольством привести к присяге. Уж не знаю, правда это или нет, но звучит хитроумно.

Мы вчетвером замерли и уставились на собранных нами эков, словно увидели нечто невероятное.

– Ну хануры и хануры, – сказал я. – Чего встали?

Кирпич и Сивый взялись за грабли и подцепили из воронки следующего эка. Фара нашёл у него в кармане ложку с нацарапанными именем и личным номером. Ханурик будто почувствовал, что сгниёт в общей куче, и подстраховался. Не догадывался, что в «Книгу учёта безвозвратных потерь» попадают лишь по жетонам. Фара надумал сохранить ложку и сунуть в мешок, чтобы посмотреть на реакцию Черепа, когда тот магнитом выудит её из прогоревших костей.

– Не выудит, – заметил я. – Она алюминиевая.

– И что?

– А то.

Ложку Фара в итоге выбросил.

Мы выгребли из воронки всех эков. На рваном дне осталась бурая хлюпкая масса, в которой утонули миски, пряжки, дешёвые портсигары и прочая дребедень. Загрузили в телегу побольше хануриков, чтобы во второй ходке шлось полегче, и потащили телегу назад, к лабиринту из грузовиков. Сивый быстренько слазал в боевую машину пехоты. Наверное, приказарманил себе какую-нибудь мелочь, да только не подал виду, а я до него не докапывался.

– Я вот думаю. – Кирпич толкал перекладину вытянутыми руками. – А ведь в тылу сейчас живут.

– Живут. – Я толкал перекладину грудью. – И мы живём.

– Не-е. Я о другом. Там *живут!* Понимаешь? Ну, там, в парк ходят, на гитаре играют, мороженое едят и... ну, собак выгуливают. И не прячутся. Просто идут и не прислушиваются, ветер это или «Жало» летит. И в пруду купаются со всякими надувными матрасами.

– Холодно сейчас пруду, – заметил Фара. – И мороженое холодно.

– Ну да... – потупился Кирпич. – Холодно. А они едят!

– И я бы не отказался. Но мне и фруктовых палочек хватает.

– Вот... – протянул Кирпич. – И им там хорошо.

– А тебе плохо? – спросил я с неожиданной для самого себя злобой.

– Да нет, почему. – Кирпич качнул головой. – Я не жалею, просто удивляюсь.

– Осторожнее, – я показал на преградившую нам путь гусеничную ленту.

Мы протащили телегу через ленту и дальше пошли молча. Даже Фара притих. В словах Кирпича не было ничего особенного – мы с Лешим о таком часто говорили, – но лично меня подкосил сам факт, что их произнёс Кирпич. Подобные мысли по определению не должны приходиться в его голову, а тут пришли, и мне стало грустно.

Нагнав «Зверь», мы пристроились за кормой. Сыч, ясное дело, не собирался тормозить для нашего удобства, но мы и так справились. Нацепили на телегу крюки, завели под днище

цепь и махнули Кардану. Он краном кормового подъёмника перекинул телегу на палубу, а мы вскарабкались по бортовой лестнице. Сгрузили хануриков в мусорное отделение и сразу отправились во вторую ходку.

Вообще хануриков предписывалось сгружать в отделение холодильное, однако оно располагалось неудобно – с правого, то есть с противоположного от печей борта, – и печники просили нас пользоваться именно мусорным, если только ханурикам не предстояло денёк-другой тухнуть в очереди. Сегодня очередей в печи не было.

Пока мы дважды носились к воронке и обратно, топливный отряд покончил с заправкой «Зверя», а Кардан взялся за покраску палубы. Белая крыша – наш опознавательный знак. Ночью мы её подсвечивали прожекторами. «Зверь» не трогали ни свои, ни чужие. Ни с земли, ни с воздуха. Пожалуй, «Зверь» считался самым безопасным местом на десятки километров вокруг. Безопаснее любого бункера с его защитными приבלудами. От нас лишь требовалось всегда быть на виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.